

Рецензии

Либертарный муниципализм Мюррея Букчина

Мюррей Букчин. Рост урбанизации и закат гражданства (Sierra Club Books, 730 Polk St., San Francisco, CA, 1987).

В этой книге — как и все предыдущие пятнадцать лет — Букчин призывает создавать гражданские советы и группы народного муниципального самоуправления, чтобы спасти города от плохого управления со стороны профессиональных политиков и бюрократов. Предлагаемый план спасения, исторически и методологически несостоятельный, сводится к абсолютно неанархистскому (и нелогичному) тезису о том, что активное участие в локальной политике ведет к коллапсу государства. Мы должны, советует автор, постепенно увеличивать и расширять «существующие институты» и «стараться демократизировать республику». Написание этой рецензии представляется мне утомительной рутинной, которая в каком-то смысле даже смущает меня — как будто эту книгу можно принять всерьез с какой бы то ни было антиавторитарной точки зрения.

Свой чистейший реформизм Букчин пытается сделать привлекательным за счет таких уловок, как ложные противоречия между урбанизацией и городами, представительством и суверенитетом, политикой и искусством управления государством, а также за счет таких неприемлемых утверждений, как, например, заявление о том, что когда-то политика была «делом всего сообщества». Еще один трюк — игнорировать реальную историю городской жизни, как будто она полностью иллюзорна. Иногда он начинает заключать в кавычки такие термины, как «избранные» представители, «избиратели» и «налогоплательщики», словно бы эти термины не имеют никакого отношения к реальности. Вы можете открыть книгу на любой странице и везде увидите подобные нелепости и ухищрения.

Впрочем, другой ключевой элемент исследования все же включает в себя исторический анализ, но только для того, чтобы придать историческим банальностям новую, неузнаваемую форму. Например, афинский полис довольно долгое время был для Букчина моделью восстановления городской политики. Но, к сожалению, как все прекрасно знают, афинская «демократия» — это несколько мужчин, управлявшие жестко дифференцированной классовой структурой. А то, что она основывалась на рабстве и подавлении женщин? Мюррей это тоже ловко обходит стороной, мимоходом, в скобках признав некоторые «недостатки» греков! То же самое с городскими собраниями в благоговейной Новой Англии — еще одним образцом обновления городской политики. Плевать на множество монографий, в которых авторы признают (в отличие, скажем, от

составителей старых школьных учебников), что в этих городских собраниях было столько же иерархии и принуждения, сколько и в обществе в целом.

Кстати, Букчин также пытается представить в розовом свете города в момент их становления (чтобы, как я полагаю, лучше обосновать необходимость их дальнейшего существования). Однако возникновение городов есть неотъемлемая часть возникновения цивилизации, а их дворцы и храмы отражают внезапное появление работы, войны, религии и рабства. На смену деревням, в которых оставались элементы неоднородности, автономности и добрососедских связей, приходил масштабный, унитарный урбанизм. Обычаи и идеи согласия (которые быстро приходили в упадок вместе с исчезновением образа жизни собирателей-охотников) вытеснялись авторитарным контролем доминирующего меньшинства и его новым аппаратом принуждения.

Если понимание Букчиным истории несовершенно (будем великодушны), то что делает книгу совершенно жалкой, так это то, чего в ней нет. Букчин не видит недостатков в фундаментальном аспекте современного существования, а именно в наемном труде и товарной системе. Он также не рассматривает важнейшие особенности данного аспекта. Уничтожение природы, власть транснациональных корпораций, компьютерная опосредованность и расчисленность информационной эпохи, чудовищно наркотическое, усредняющее и навязчивое воздействие СМИ — вот лишь несколько основных сил, нацеленных на создание духа совершенной рутины, опустошения, нивелирования и коммодификации, которые полностью накрывают собой городскую жизнь. Игнорировать содержание современной структуры доминирования, одновременно призывая к вовлечению в городскую политику, значит давать неустойчивой системе ровно то, в чем она нуждается больше всего — поддержку со стороны угнетенных.

В то время как население все больше и больше разочаровывается в выборах и работе, требуется выдвигать новые схемы «демократизации» этих фундаментальных способов отчуждения. В параллель узакониванию работы посредством рабочих советов Букчин пытается легитимизировать политику и города посредством гражданских советов. Образ массивного общества со все более глубоким разделением труда и стандартизацией реализуется в городах, ликвидируя при этом само понятие пространства.

Что такого радикального и здорового в попытке защиты концепции города, чем это лучше, чем защищать работу? Насколько полезнее было бы дать видение целостности и свободы, где самое близкое к «городам» — это спонтанные, мобильные сборы и праздники, возникающие и меняющие форму по малейшей прихоти, и где никому не известны уродства выборов и работы? Та «политика», которой я бы хотел заниматься, совершенно определенно не состоит в том, чтобы быть образцовым гражданином наподобие Мюррея Букчина.

Америка как рай

Жан Бодрийяр. Америка (L.: Verso, 1988).

Точно так же, как главным японским продуктом являются автомобили, так и основным французским продуктом в течение примерно двух десятилетий была теория, а ведущим объектом импорта является Жан Бодрийяр. Оттеснив немецкого фаворита Хабермаса, он, кажется, стал — с тех пор, как в 1984 году умер Фуко — теоретиком номер один из всех, появившихся после 60-х годов. Мы видели, каким притягательным был Ситуационистский Интернационал для арт-тусовки, но даже в ней наиболее популярным — хотя и до сих пор по большому счету непонятым — является крайне современный Бодрийяр. Да, большой любимец эстетико-нигилистической тусовки, и не без причины.

На обломках майских восстаний 68-го он предпринял попытку соединить модную в те времена семиотику и марксизм, но с ним Бодрийяр в середине 70-х порвал. В «Зеркале производства» — нетипично систематической и даже понятной книге — он убедительно доказал, что все важнейшие категории или величины, которыми оперировал Маркс, являются зеркальным отражением капиталистического общества. С этого момента Бодрийяр шел к нынешнему гнетущему фатализму, где с помощью огромного количества гипербола и абстрактных фраз нарисован мир, в котором властвуют электронные СМИ и который движется в сторону почти научно-фантастического царства несвободы и обособленности.

Используя такие термины, как «конец социального» и «катастрофа смысла», он изображает реальность все более хай-тековскую, которая уже не вполне реальна, но представляет собой что-то вроде симуляции, неуязвимой перед критикой или же бунтом, достигающей стадии черной дыры, в которой образы и события уже нельзя соотнести с какими-либо первоисточниками. В нескольких темных, хотя и ослепляющих книгах нет ничего, кроме высококачественной вербальной пиротехники и угрюмого, с трудом разбираемого контекста для его необычных формул. Однако так как «Америка» привязана к определенному месту и времени, мы наконец-то можем попытаться сопоставить концепции Бодрийяра с социальной реальностью и вынести суждение о его апокалиптическом теоретизировании.

В самом начале мы узнаем, что Америка со своей наивной энергичностью является «единственным сохранившимся примитивным обществом» (курсив его), что все в ней, несмотря на уровень технологического развития, «все еще носит следы примитивного общества» и что ее примитивизм приобрел «характер вселенной выше нашего понимания, намного превосходящей свои собственные моральные, социальные и экологические обоснования». Хочется спросить — может быть, в подобных фразах, нигде в тексте не объясненных, сам этот опьяненный словами французский турист лучше всего воплощает собственную теорию? Вспоминается термин «истребление смысла».

А когда Бодрийяр спускается с небес на землю, результаты часто менее чем впечатляющи. Например, автор приводит мало конкретных наблюдений и, если на то пошло, они чаще всего неточны. Классифицировав бег трусцой как новую форму добровольной рабской зависимости (кроме того, как новую форму адюльтера, а также самоубийства), он пишет, что если остановить бегуна, то можно подвергнуться физическому нападению. Еще один часто повторяемый образ — скорее галлюцинация, чем неточность: в американских мотелях всегда включены телевизоры, даже в свободных номерах. Кроме обыкновенных ошибок есть и оскорбления: отмечая, что очереди в дорогие рестораны и ночные клубы «часто длиннее,

чем в бесплатные столовые», наш глубокоуважаемый социальный теоретик добавляет, что, возможно, в будущем последние станут такими же модными, как и первые. Вне всяких сомнений, эта надежда будет согревать сердца бездомных.

Возвращаясь к теме Америки в качестве примитивного общества, Бодрийяр продолжает восхищаться «силой не-культуры» — поразительно легкомысленной сути американцев. В абзаце, некоторым образом связанном с Портервиллем, штат Калифорния, он рукоплещет: «Вся жизнь как авто-кино. Поистине великолепно». Это, как нам говорят, «истинно утопическое общество». Я не шучу. Рай, не меньше — общество, «уверенное в своем богатстве и силе». Рай, потому что «другого не существует».

Ничего не напоминает? Весь этот бред мы уже слышали раньше — в средней школе на уроке обществоведения, на курсах политологии, в других местах распространения неприкрытой пропаганды: старые тезисы об американской исключительности, американском равноправии, американском плюрализме, от Токвиля до наших дней. Похоже, Бодрийяр никогда не слышал эту вымученную ложь, раз он в состоянии воспроизводить ее без тени смущения.

Да, Европа такая старая и искусственная, а Америка такая свежая и чистая, что действительно находится «вне культуры и политики». Все те же избитые фразы — приправленные современным постструктуралистским словоблудием.

Не то чтобы наш антикультурный герой никогда не говорил ничего стоящего. Отмечая вездесущую саморекламную природу американского общества: «Американский флаг сам свидетельствует об этом, своим присутствием на каждом углу... не в качестве героического знака, а как торговая марка хорошего брэнда». Может, и не особенно глубоко, но сойдет. Удивительно, однако, насколько редки подобные моменты прозорливости, насколько мало иронии в потоке откровенно глупых и реакционных комментариев.

Постепенно читатель начинает понимать, к чему ведет Бодрийяр. Восхваляя восход Америки, особенно — любовным анализом всего поверхностного, автор становится целиком виден: перед нами полнейшая очарованность тем, что представляется победившим, взгляд на вещи того, кто подчинение принимает как данность. Он наслаждается лучами воображаемого превосходства капитала и находит в этом освобождение. Соответственно, горничная, которую он встречает в мотеле, трудится в условиях «тотальной свободы» (курсив его). Это государство, где «политика освобождает себя, превращаясь в спектакль» (курсив его). Утопия. Рай.

Америка, где «даже мусор чистый». Америка, «гиперреальная в своей тяге к жизни», со всей мощью си-мулякра завоевывает саму реальность. Хочется немного здравого смысла, а также противоядия от подобного бреда — например, осмысленной и сдержанной работы Оррина Клэппа «Перегрузка и скука: эссе о качестве жизни в информационную эпоху». Бодрийяр когда-то журил постструктурализм за его «непонятное пособничество кибернетике» («Забыть Фуко», 1977). В «Америке» он изображает и приветствует хай-тековский фашизм, со всем, что положено — мистификацией, экстазом. Подводя итог — невероятная книга.

